

4. Борисенков, А. А. О политическом процессе [Электронный ресурс] / А. А. Борисенков // Социодинамика. — 2012. — № 3. — С. 101–129. — Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=235. — Дата доступа: 01.12.2020.
- Borisenkov, A. A. About the political process [Electronic resource] / A. A. Borisenkov // Sociodynamics. — 2012. — № 3. — P. 101–129. — Mode of access : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=235. — Date of access: 01.12.2020.*
5. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье. — М. : Socio-Logos, 1993. — 336 с.
- Bourdieu, P. Sociology of politics / P. Bourdieu. — Moscow : Socio-Logos, 1993. — 336 p.*
6. Зыкин, Д. Власть. Народ. Подсознание и управляемая демократия / Д. Зыкин. — М. : Самотека, 2007. — 476 с.
- Zykin, D. Power. Elite. People. Subconscious and managed democracy / D. Zykin. — Moscow : Samoteka, 2007. — 476 p.*
7. Рамо, Д. К. Седьмое чувство. Под знаком предсказуемости / Д. К. Рамо. — М., 2017. — 462 с.
- Ramo, D. K. Seventh sense. Under the sign of predictability / D. K. Ramo. — Moscow, 2017. — 462 p.*
8. Фридман, Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века / Т. Фридман. — М. : ACT, 2014. — 640 с.
- Fridman, T. The world is flat 3.0. A brief history XXI century / T. Friedman. — Moscow : AST, 2014. — 640 p.*

Статья поступила в редакцию 10.12.2020 г.

УДК 327(510):339.9(510):008(510):009(510)

<http://edoc.bseu.by/>

*I. Chuvilov
BSEU (Minsk)*

BELT AND ROAD INITIATIVE: FROM ECONOMIC TO HUMANITARIAN ORDER

The article provides analysis of the Chinese foreign policy the Belt and Road Initiative that was put forward by the President of the People's Republic of China (PRC) Xi Jinping in 2013, analyzes the main goals that were identified at the beginning of the formation of this initiative, highlights the main directions of its implementation. After analyzing the keynote speech of Xi Jinping at the Nazarbayev University, the author named three blocks of goals for the Belt and Road Initiative: economic, political and cultural. Over time, this initiative has transformed from a mainly economic to an economic and humanitarian initiative. The article also highlights the main humanitarian strategies for the implementation of the Belt and Road Initiative, which are based on China's use of the concepts of «soft power». The author of the article concludes that at present there is a radical transformation in the directions of the implementation of the Belt and Road Initiative, when humanitarian strategies become equally important with investment and economic programs and projects in the implementation of this global foreign policy initiative of the PRC.

Keywords: China; the Belt and Road Initiative; Xi Jinping; humanitarian strategies; humanitarian cooperation; «soft power»; culture; art; Confucius Institutes; huqiao; tributary system.

*И. А. Чувилов
БГЭУ (Минск)*

ИНИЦИАТИВА «ПОЯС — ПУТЬ»: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО К ГУМАНИТАРНОМУ ПОРЯДКУ

В статье рассматривается китайская внешнеполитическая инициатива «Пояс — путь», высунутая председателем Китайской Народной Республики (КНР) Си Цзиньпином в 2013 г. Анализи-

рутся основные цели, которые были определены в начале становления данной инициативы, выделяются основные направления ее реализации. В результате анализа программной речи Си Цзиньпина в университете им. Назарбаева были выявлены три блока целей выдвижения инициативы «Пояс — путь»: экономический, политический и культурный. С течением времени данная инициатива трансформировалась из преимущественно экономической в экономико-гуманитарную. В статье выделены основные гуманитарные стратегии реализации инициативы «Пояс — путь», базирующиеся на использовании Китаем концептов «мягкой силы». Автор статьи приходит к выводу, что в настоящее время наблюдается кардинальная трансформация в направлениях реализации инициативы «Пояс — путь», когда гуманитарные стратегии становятся равными по значимости с инвестиционными и торгово-экономическими программами и проектами в реализации этой глобальной внешнеполитической инициативы КНР.

Ключевые слова: Китай; инициатива «Пояс — путь»; Си Цзиньпин; гуманитарные стратегии; гуманитарное сотрудничество; «мягкая сила»; культура; искусство; Институты Конфуция; хуацяо; трибутарная система.

Введение. Проблема изучения китайской внешнеполитической инициативы «Пояс — путь» (далее — ИПП) занимает свою нишу в аналитических исследованиях специалистов во многих государствах мира, так как ИПП прямо или косвенно затрагивает различные сферы интересов этих стран. Значительная часть подобных исследований посвящена анализу экономических форм реализации ИПП, в то время как гуманитарные направления (например, сотрудничество Китая с зарубежными государствами в сфере культуры, искусства, образования) зачастую не получали должного внимания со стороны научного сообщества. Необходимость более содержательного подхода к изучению гуманитарной направленности инициативы «Пояс — путь» возникла ввиду частичной несостоятельности экономических и инвестиционных проектов в рамках ИПП. Среди исследователей, занимающихся анализом внешней политики КНР, включая деятельность ИПП, можно отметить А. М. Байчорова [1, 2], А. А. Кирееву [3], М. С. Михалева [4], С. Г. Лузянина, А. В. Афонасьеву [5] и др. При этом очевидно, что в настоящее время в отечественной политической науке недостаточно раскрыты гуманитарные направления в реализации Китаем инициативы «Пояс — путь», а также причины, приведшие к смещению вектора развития ИПП с преимущественно инвестиционного и торгово-экономического к экономико-гуманитарному. Целью данного исследования является определение причин несостоятельности планов руководства КНР по реализации ИПП именно как экономической программы расширения китайского влияния в мире, а также качественный анализ направлений гуманитарного развития ИПП, включая формулирование основных гуманитарных стратегий реализации инициативы «Пояс — путь».

Основная часть. В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин во время своего выступления в университете им. Назарбаева в Казахстане объявил о выдвижении Китаем концепции построения «Экономического пояса Шелкового пути», которая впоследствии стала частью инициативы «Один пояс — один путь». В настоящее время общепринята формулировка «инициатива “Пояс — путь”». Более лаконичным представляется английское наименование данной инициативы — BRI (Belt and Road Initiative), где под B подразумевается слово belt (пояс), под R — road (дорога, путь) и под I — initiative (инициатива). «Пояс» символизирует Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), а «путь» — Морской Шелковый путь XXI в. (МШП), которые явились двумя составляющими собственной инициативы «Пояс — путь».

«На протяжении тысячелетий на этом древнем Великом Шелковом пути народы различных стран совместно написали страницы о дружбе, которые передавались из поколения в поколение. Двухтысячелетняя история наших контактов свидетельствует о том, что лишь придерживаясь принципов сплоченности и взаимного доверия, равноправия и взаимной выгоды, толерантности и обмена опытом, сотрудничества и обоюдного выигрыша страны, отличающиеся друг от друга своими этническими, религиозны-

ми, культурными характеристиками, вполне могут жить между собой в мире и совместно развиваться. Это ценная мысль, на которую наводит нас древний Великий Шелковый путь», — отметил Си Цзиньпин в своей речи в университете им. Назарбаева [6, с. 388]. В новом столетии благодаря продолженному Китаем укреплению контактов с зарубежными странами после сложного периода «турбулентности» во второй половине XX в. «древний Великий Шелковый путь стал все больше высказывать свою новую жизнеспособность и по-новому поднимать взаимовыгодное сотрудничество между Китаем и странами Евразии на новые исторические высоты» [6, с. 388–389].

Инициатива «Пояс — путь» — первоначально экономическая, а в настоящее время экономико-гуманитарная инициатива. В ее основе находится инвестиционная и кредитная политика Китая, направленная на страны-реципиенты. По своему масштабу ИПП превосходит многие существующие подобные проекты. В некотором смысле инициатива превращается в «глобальный перформанс», где главную роль играет КНР, окруженная стоящими в ряд партнерами по международной сцене. Китай стремится стать глобальным центром силы мировой системы, в которой общая программа действий будет ему подконтрольна.

Согласно изначальному плану ИПП должна была зиждаться на факторах экономического влияния и взаимодействия. Именно экономический стержень был первоочередным при планировании и выдвижении ЭПШП и МШП XXI в. Китай позиционировал новые проекты как составную часть своей цели по межгосударственному сотрудничеству для получения взаимной выгоды в первую очередь в экономической сфере. «На фоне глобализации экономики все страны планеты взаимно заинтересованы друг в друге — они наслаждаются совместным процветанием и сообща несут риски; можно сказать, что отдельной стране очень трудно развиваться вне зависимости от других стран мира, поэтому необходимо придерживаться принципа взаимной выгоды и совместного выигрыша», — отмечает директор Китайского НИИ международных вопросов Цюй Син [7, с. 30].

Цели, которые Си Цзиньпин обозначил в своей программной речи в Казахстане по реализации ИПП (в тот момент речь шла об Экономическом поясе Шелкового пути), можно разделить на три блока: экономический, политический и культурный. К экономическому блоку относятся обеспечение беспоребойной торговли, укрепление сферы денежного обращения и развитие дорожного сообщения; к политическому — усиление политической координации. Культурный блок включает в себя, по мнению Си Цзиньпина, важность сближения народов [6, с. 391–392]. В экономическом блоке Си Цзиньпин определяет сразу три цели, при том что в оставшихся двух блоках намечено лишь по одной. Такая расстановка доказывает приоритетность экономических связей и проектов над политическими и культурными.

Для более детального анализа названных целей стоит рассмотреть каждую в отдельности, основываясь на сентябрьской речи Си Цзиньпина и на том порядке, в котором их перечисляет председатель КНР. Первой он называет цель политического блока — усиление координации в политической сфере. Лидер КНР делает установку на то, чтобы государства «Пояса — пути» могли «в полной мере обмениваться информацией по стратегии экономического развития и ее адекватным мерам в соответствии с принципом поиска точек соприкосновения при сохранении различий и путем консультаций разработать планы и мероприятия по содействию региональному сотрудничеству на основе политических установок и «дать зеленый свет» региональной экономической интеграции» [6, с. 391]. Как можно заметить из данного высказывания, даже в области политических взаимоотношений Китайставил целью налаживание и укрепление экономических связей. Политика в начальный период реализации ИПП рассматривалась политическими элитами КНР как средство расширения экономического взаимодействия.

Далее следуют три цели экономического блока, которые подкрепляют первое положение из программы Си Цзиньпина по строительству ИПП, важными пунктами из которых можно назвать вопросы об улучшении трансграничной транспортной инфраструктуры, упрощения торговых и инвестиционных процедур, а также возможность сократить оборотные финансовые издержки между странами [6, с. 391–392].

Последним пунктом в речи Си Цзиньпина идет вопрос межкультурных контактов, где констатируется, что «отношения между странами зависят от близости народов» [6, с. 392]. Председателем КНР было отмечено, что «для налаживания сотрудничества в вышеназванных областях необходимо получать поддержку со стороны народов разных стран, активизировать дружественные контакты между ними, усиливать взаимное понимание, традиционную дружбу» [6, с. 392].

Расчеты Китая по расширению своего глобального влияния преимущественно экономическими средствами в ИПП оказались в настоящее время не до конца реализованными ввиду ряда причин, которые в итоге привели к актуализации использования гуманитарных стратегий и проектов в реализации ИПП.

Основной причиной этому видится то, что Китаю не удалось включить в инициативу ведущие экономически развитые и развивающиеся страны (Индия, США, Канада, Австралия и др.), а впоследствии стало довольно сложно противостоять их влиянию и давлению. Сам по себе данный факт не умаляет достижений ИПП и уровня ее влияния, однако регулярное противостояние глобальных игроков (коим также является и Китай) сказывается на потенциале ИПП как экономической силе. С целью финансирования китайских экономических программ и проектов (преимущественно в рамках ИПП) по инициативе Китая 24 октября 2014 г. был учрежден Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание АБИИ еще раз подчеркнуло первостепенность экономического вектора в деятельности ИПП. В отличие от ИПП АБИИ является структурно оформленной международной финансовой институцией, членство в которой имеют 57 государств. Примечательно, что государство, являясь участником ИПП, может не входить в состав АБИИ и наоборот. К примеру, такие государства, как Австралия, Индия, Норвегия, Франция, Великобритания, входят в АБИИ, однако не являются официальными участниками ИПП.

Другой причиной можно назвать возникновение «колдобин» на экономической траектории ИПП [8]. Государства стали отказываться от своих обязанностей по выплате выделенных Китаем кредитов и расторгать инвестиционные контракты. Первым ярким случаем отказа от выполнения долговых обязательств стал демарш премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада летом 2018 г., когда возглавляемое им новое правительство приостановило выполняемые компаниями Китая три крупных проекта. Согласно RWR Advisory Group летом 2018 г. из анализируемых компаний 1674 китайских инфраструктурных проектов по ИПП 234 (14 %) в 66 странах «Пояса — пути» столкнулись с той или иной проблемой в своей деятельности. Среди них наиболее частыми стали общественное противодействие, трудовые споры, задержки в исполнении и озабоченность по поводу национальной безопасности [8]. В 2020 г. главным препятствием для успешного воплощения китайских экономических проектов вдоль «Пояса — пути» стала пандемия коронавируса COVID-19 [9].

Китай зачастую отбирает потенциальных участников ИПП, основываясь не на их политическом устройстве, общепринятых стандартах демократии, уровне защиты прав человека, уважении международных ценностей и правил. Можно предположить, что Китай ценит в странах готовность идти в одном фарватере вместе с ним, выполнять его требования, при этом учитывая потенциал страны в будущей расстановке сил в регионе. Китай как государство с огромным имперским опытом управления в трибунальной системе научился заставлять вассалов выполнять свои поручения таким образом, чтобы они даже не понимали, что выполняют указания. Главным концептом в практике управле-

ния Китая выступает не метод директивных указаний, а метод укroщения и смирения. Важным представляется древнекитайский концепт «ли» — ритуал, когда император Поднебесной управлял, но не карал, потому что добивался от своих подданных в соседних государствах уважения и беспрекословного принятия устоев и правил Китая. Нечто подобное наблюдается и сегодня: Китай отбирает в инициативу «Пояс — путь» только те государства, которые готовы вместе с ним развиваться, при этом практически всегда выполняя указания Китая. Здесь даже не всегда представляется важной финансовая составляющая кредитных и инвестиционных условий сотрудничества: главное, чтобы выполнялся ритуал («ли»), чтобы слово Китая было решающим. В настоящее время данная тенденция едва ли прослеживается во внешнеполитических шагах КНР, однако ее отголоски можно увидеть в инициативах и поступках Китая.

Следует более подробно определить понятие упомянутой трибутарной системы. Имперский Китай (в особенности династия Мин) всегда умел выстраивать под себя международную расстановку сил в регионе Восточной Азии. Его методы политической стратегии не были похожи ни на европейские, ни на российские. Китай, считая себя сыном Неба, центром мира, Поднебесной, смог добиться удивительных высот в выстраивании политических концепций благодаря грамотному стратегическому мышлению и планированию. Осознавая свои сильные и слабые стороны, империя смогла выработать концепцию управления соседними государствами, которая впоследствии благодаря трудам Дж. Фэрбэнка получила название «трибутарная система» [10].

Система основывалась на своде правил конфуцианского учения во взаимодействии между Китаем (центром) и соседними государствами (вассалами). Каждое из этих государств имело суверенитет и закрепленную территориальную целостность, свою законодательную базу. На первый взгляд, кроме торговых отношений с Китаем их больше ничего не связывало. Однако при дальнейшем рассмотрении становится очевидной культурная и идеальная связь между Китаем и соседними вассальными странами, а именно общее принятие конфуцианской идеологии. Трибутарную систему также можно определить как «конфуцианский мировой порядок». Представляется, что при реализации ИПП Китай также пытается построить новый мировой порядок по типу трибутарной системы, видоизмененной в соответствии с требованиями и реалиями современности.

Гуманитарные стратегии и проекты — это новый движущий механизм инициативы «Пояс — путь», ставший в один ряд с экономическими направлениями ее деятельности. Китай несомненно до выдвижения ИПП осознавал важность гуманитарных программ и проектов, использование инструментов «мягкой силы» в своей внешней политике. Однако ввиду перечисленных причин именно в последние годы гуманитарные стратегии вышли на первый план в реализации ИПП Китаем.

К основным гуманитарным стратегиям осуществления инициативы «Пояс — путь» в настоящем исследовании относятся взаимодействие Китая со странами, входящими в ИПП, в области культуры и искусства; сотрудничество в сфере образования (включая деятельность Институтов Конфуция); а также использование потенциала проживающих за пределами КНР этнических китайцев (хуацяо).

Гуманитарные стратегии реализации ИПП базируются на принципах «мягкой силы», которую Дж. Най определял как «способность получать желаемое за счет привлекательности, а не за счет принуждения или выплат», отмечая, что «мягкая сила» возникает благодаря «привлекательности культуры, политических идеалов и политики страны» [11, с. 10].

Политические элиты КНР создают привлекательный образ своего государства среди остальных акторов международных отношений, в том числе вдоль «Пояса — пути», посредством названных гуманитарных стратегий. Китай имеет огромный культурный и идеально-философский опыт, выработанную на протяжении тысячелетий конфуциан-

скую традицию. Привлекательность китайской культуры и китайского искусства (примущественно традиционного, но все чаще и современного) способствует более разнообразному и точечному взаимодействию Китая как с уже действующими, так и с возможными участниками ИПП. По китайской инициативе на территории самого Китая и за его пределами организуются различные мероприятия в сфере культуры и искусства, включая художественные выставки, симпозиумы, биеннале современного искусства. Культура и искусство — важнейший способ для иностранных государств и народов глубже познать Китай, чтобы впоследствии выработать к нему и к организуемым им проектам доверительное отношение.

Образование также является одной из гуманитарных стратегий реализации ИПП. КНР постоянно повышает привлекательность китайского образования, стремится создать комфортными условия пребывания иностранных студентов в своих учреждениях высшего образования. Китайское правительство разработало систему стипендий и поощрительных выплат для одаренных обучающихся из-за рубежа (в том числе из стран «Пояса — пути»). Сегодня в мире сформирован бренд «образование в Китае», пользующийся престижем среди иностранной академической молодежи. КНР также развернула сеть Институтов Конфуция по всем направлениям «Пояса — пути», способствуя активизации интереса к изучению китайского языка и погружению в китайскую культуру преимущественно у подрастающего поколения в зарубежных государствах. В настоящее время «Институт Конфуция является важной частью внешней коммуникационной стратегии Китая» [12, с. 623].

Все весомее становится роль проживающих за пределами КНР этнических китайцев (хуацяо) в реализации ИПП. Хуацяо выступают проводниками идей и постулатов Китая в иностранной общественной среде, межличностных и межгрупповых контактах. Они превратились из механизмов экономического взаимодействия КНР с иностранцами в форму более близкого, точечного социального-гуманитарного контакта.

Заключение. Инициатива «Пояс — путь» в настоящее время претерпевает значительные трансформации: гуманитарные стратегии реализации ИПП (взаимодействие КНР с зарубежными странами по «Поясу — пути» в сфере культуры, искусства, образования, по линии хуацяо) становятся равными по значимости с инвестиционными и торгово-экономическими программами и проектами. Можно предположить, что в дальнейшем роль гуманитарных стратегий в реализации инициативы «Пояс — путь» будет все больше цениться политическими элитами КНР.

Источники

1. Байчоров, А. М. Инициатива пояса и пути в мировой политике / А. М. Байчоров // Журн. Белорус. гос. ун-та. Междунар. отношения. — 2018. — № 2. — С. 13–19.
Baichorov, A. M. Belt and road initiative in world politics / A. M. Baichorov // J. of the Belarusian State Univ. Intern. Relations. — 2018. — № 2. — P. 13–19.
2. Байчоров, А. М. Инициатива «Один пояс — один путь»: стратегические и тактические задачи / А. М. Байчоров // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития : материалы круглых столов / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 6–12.
Baichorov, A. M. The Belt and Road Initiative: Strategic and Tactical Tasks / A. M. Baichorov // Belarusian-Russian relations at the present stage: state and development prospects : materials of round tables / Belarusian State Univ. ; editorial board: V. G. Shadurskiy (chairman) [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 6–12.
3. Киреева, А. А. «Инициатива Пояса и пути»: содержание, цели и значение / А. А. Киреева // Сравнительная политика. — 2018. — № 2. — С. 61–74.
Kireeva, A. A. Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications / A. A. Kireeva // Comparative Politics Russia. — 2018. — № 2. — P. 61–74.

4. Михалев, М. С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии / М. С. Михалев // Контуры глоб. трансформаций: политика, экономика, право. — 2016. — Т. 9, № 6. — С. 88–103.
- Mikhalev, M. S. «One Belt, One Road» as a new foreign policy strategy of China. Short analysis of the discussion inside China / M. S. Mikhalev // Outlines of global transformations: politics, economics, law. — 2016. — Vol. 9, № 6. — P. 88–103.*
5. Лузянин, С. Г. Один пояс, один путь — политические и экономические измерения / С. Г. Лузянин, А. В. Афонасьева // Вестн. Томск. гос. ун-та. Экономика. — 2017. — № 40. — С. 5–14.
Luzyanin, S. G. One Belt, One Road — Political and Economic Dimensions / S. G. Luzyanin, A. V. Afonasyeva // Tomsk State Univ. J. Economy. — 2017. — № 40. — P. 5–14.
6. Си, Цзиньпин. О государственном управлении / Цзиньпин Си. — Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз., 2018. — Т. 1. — 654 с.
- Xi, Jinping. The Governance of China / Jinping Xi. — Beijing : Foreign Languages Press, 2018. — Vol. 1. — 654 p.*
7. Дуань, Вэй. Великий Шелковый путь бесконечен / Вэй Дуань // Китай : ежемесяч. журн. — 2014. — № 3 (101). — С. 30–31.
Duan, Wei. The Great Silk Road is endless / Wei Duan // China : monthly mag. — 2014. — № 3 (101). — P. 30–31.
8. Коростиков, М. Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая [Электронный ресурс] / М. Коростиков // Московский центр Карнеги. — Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/77125>. — Дата доступа: 25.10.2020.
- Korostikov, M. Potholes of the Silk Road. Why countries are increasingly leaving China's main international project [Electronic resource] / M. Korostikov // Carnegie Moscow Center. — Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/77125>. — Date of access: 25.10.2020*
9. Чувилов, И. А. Последствия коронавирусной инфекции COVID-19 для Китая и его роли на международной арене / И. А. Чувилов // Суверенитет — безопасность — интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 14–15 мая 2020 г. : в 2 ч. / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси, Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.), А. А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. — Гродно, 2020. — Ч. 2. — С. 238–241.
- Chuvilov, I. A. Consequences of the coronavirus infection COVID-19 for China and its role in the international arena / I. A. Chuvilov // Sovereignty — security — integration as constants of sustainable state development: international experience and national realities. Belarusian Political Science: Diversity in Unity : materials of the IX Intern. sci. and practical conf., Grodno, 14–15 May, 2020 : in 2 pt. / Inst. of Philosophy of the Nat. Acad. of Sciences of Belarus, Yanka Kupala State Univ. of Grodno ; editorial board: V. N. Vatyl (chief ed.), A. A. Lazarevich (chief ed.) [et al.]. — Grodno, 2020. — Pt. 2. — P. 238–241.*
10. Фэрбэнк, Дж. О трибутарной системе династии Цин / Дж. Фэрбэнк, С. Тэн // Гарвард. журн. азиат. исслед. — 1941. — Т. 6, № 2. — С. 135–246.
Fairbank, J. On The Ch'ing Tributary System / J. Fairbank, S. Teng // Harvard J. of Asiat. Studies. — 1941. — Vol. 6, № 2. — P. 135–246.
11. Най, Дж. Мягкая сила: средства к достижению успеха в мировой политике / Дж. Най. — Нью-Йорк : Обществ. жизнь, 2004. — 191 с.
- Nye, J. Soft power: the means to success in world politics / J. Nye. — New York : Publ. Affairs, 2004. — 191 p.*
12. Чувилов, И. А. Институт Конфуция: проблемы восприятия деятельности и необходимость адаптации к изменяющимся условиям / И. А. Чувилов // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2019. — Вып. 12. — С. 627–632.
Chuvilov, I. A. Confucius Institute: problems of perception of the activity and the need to adapt to changing conditions / I. A. Chuvilov // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2019. — Iss. 12. — P. 627–632.